

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН

А. Е. АНИКИН

РУССКИЙ
ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ
СЛОВАРЬ

Выпуск 1 (*а — аяюшка*)

РУКОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ
МОСКВА 2007

ББК 81.2Рус-4
А 67

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 07-04-94594

Научно-техническое редактирование:
кандидат филологических наук *Е. И. Якушкина*

Рецензенты:

доктор филологических наук *Ж. Ж. Варбот*,
доктор филологических наук *С. А. Мызников*

Утверждено к печати
Ученым советом Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Аникин А. Е.

А 67 Русский этимологический словарь. Вып. 1 (*а — аяюшка*) /
Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, Ин-т филологии Си-
бирского отделения РАН. — М.: Рукописные памятники
Древней Руси, 2007. — 368 с.

ISBN 5-9551-0208-6

Словарь представляет собой свод этимологий русской лексики, охватывающий основной словарный фонд русского языка. На основе достижений современной филологической науки в нем рассматриваются происхождение и история словарного состава русского языка, в том числе значительный пласт личных имен и географических названий; а также в большом объеме представлена этимология диалектной, древнерусской и старорусской лексики.

Материал расположен в алфавитном порядке рассматриваемых слов. Для каждой лексемы указываются — при наличии необходимости и возможности — ее параллели в других славянских и неславянских языках, а также праславянский или иной этимон с изложением сведений, касающихся его истории и языковых изменений, результатом которых стала данная лексема.

1-й выпуск словаря содержит лексику на начальное А (около 1200 статей).

Словарь предназначен для читателей, интересующихся историей русского языка и его отношений с другими языками Евразии.

ББК 81.2Рус-4

ISBN 5-9551-0208-6

© Аникин А. Е., 2007
© Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2007
© Рукописные памятники Древней Руси, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Принятые сокращения.....	25
Литература. Источники	25
Языки и диалекты	48
Лингвистические термины	55
Прочие сокращения	56
Условные обозначения (знаки).....	57
Словарь	59
Указатель слов.....	359

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая публикация содержит первый выпуск «Русского этимологического словаря» — далее РЭС — а именно, лексику на *a*-начальное. Текст РЭС как таковой, т. е. словарные статьи, предваряется настоящим «Введением»¹, содержащим пояснения относительно содержания и задач словаря (I), а также краткую характеристику словарных статей (II).

I. Предварительные замечания

I.1. Основными справочниками по русской этимологии остаются опубликованный в середине прошлого века «Russisches etymologisches Wörterbuch» М. Фасмера (Vasm.) и — главным образом для русскоязычного читателя — его перевод («Этимологический словарь русского языка» = Фасм. или «русский Фасмер»), выполненный акад. О. Н. Трубачевым.

В «Послесловии» ко второму изданию «русского Фасмера» он не без сожаления писал об угасшей в «зародыше» мысли об «исправленном и дополненном» новом издании, замечая, что заложенную Фасмером основу «можно дополнять и поправлять бесконечно» (Фасм. 1: 564—565). Как известно, первое издание Фасм., вышедшее в 1964—1973 гг., содержит многочисленные дополнения (доп.) переводчика, помещенные в квадратных скобках непосредственно в тексте словаря. Еще одна серия доп. появилась во втором издании (1986—1987), на сей раз в виде относительно небольшого списка в конце 3-го и 4-го томов. Сюда примыкает ряд этимологических иллюстраций к программным суждениям О. Н. Трубачева в цитированном «Послесловии» ко второму изданию.

¹ Основано на предварительной публикации Аникин 2003 (здесь и далее см. раздел «Используемые сокращения»: принципы цитирования литературы и источников в РЭС те же, что в Ан. 2000 и др., и мало чем отличаются от принятых в ЭССЯ и многих других этимологических словарях).

В доп. к Фасм. затрагиваются: а) состав словника — включение в него слов гесп. словарных статей, отсутствующих в Vasm.; представленные в Vasm. б) этимологические толкования и в) датировка наиболее ранних письменных фиксаций слов. Нередко доп. исчерпывается отсылкой к публикации, содержащей тот или иной научный результат.

За немногочисленностью этих типов скрывается содержательное разнообразие, предопределенное самим устройством «русского Фасмера», характеризующегося богатством словника (прежде всего за счет обширного пласта диалектной и устарелой лексики, включая только древнерусскую, а также топонимических данных), значительной временной глубиной анализа (от русского и восточнославянского к праславянскому и индоевропейскому) и его подробностью, широтой привлекаемого языкового спектра (индоевропейский, уральский, тюркский и т. п.), масштабностью библиографического и т. п. аппарата². Доп. к Фасм. значительно увеличивают его информативность, отражая немалую часть «послефасмеровского» вклада в изучение русского лексикона.

I.2. РЭС вырос из попыток автора этих строк осуществить оставшееся нереализованным намерение О. Н. Трубачева относительно новой серии доп. к Фасм. Работа в данном направлении с самого начала стала превращаться в нечто более развернутое и масштабное, нежели подобная серия в том виде, в каком она составлялась О. Н. Трубачевым³.

В этом нет ничего удивительного: масса лексического материала, собранного и опубликованного во второй половине XX и в начале XXI вв., прежде всего в диалектных и исторических словарях (при том, что этимологией не полностью освоены и ранее изданные материалы, даже словарь Даля = Д), требует новых словарных статей, отсутствующих в Фасм. Имеющиеся в нем лексические, этимологические и библиографические сведения могут быть дополнены практически по каждому слову, как и сведения, касающиеся хронологии письменной истории слов.

² Ср. дифференциальные признаки этимологических словарей, выделенные Я. Малькелем: *time depth, range, breadth* и др., см. Malk. 1976: *passim*; Трубачев Эт. 1977: 173—174.

³ Работа над РЭС или подобным трудом отнюдь не исключает, разумеется, возможности включения в очередные переиздания Фасм. новых доп. по образцу второго издания.

В отличие от содержащихся в Фасм. доп. О. Н. Трубачева, РЭС способен выступать как самостоятельный справочник по русской этимологии, что обеспечивается главным образом количественными показателями. Словник лексики, рассматриваемой в настоящей книге, заметно превышает фасмеровский на *a*- начальное (≈ 1200 против ≈ 450).

Однако в содержательном отношении РЭС имеет заметный изъян, ограничивающий его статус. Речь идет скорее о материалах для полноценного этимологического словаря.

Словарные статьи РЭС состоят в основном из данных, почерпнутых в диалектных и исторических словарях русского языка, и реферативных сводок из этимологической литературы, прежде всего этимологических словарей (откуда по преимуществу черпается и иноязычная лексика), лишь в незначительной степени основываясь на привлечении и анализе памятников письменности. Между тем, максимального прогресса в сравнении со словарем Фасмера, как не раз указывалось его критиками, главным образом отечественными (в особенности таким проницательным и жестким, как А. И. Попов), можно добиться лишь при интенсивном и квалифицированном использовании первоисточников — летописей и т. п. древних актов (ср. обсуждение этого вопроса самим М. Фасмером в *ZfslPh* 29/2, 1961: 447). Определенным достижением в этом плане является словарь П. Я. Черных (Черн.), который выгодно отличается от Фасм. разработкой истории слов по памятникам письменности. Тем не менее, Черн. явно проигрывает словарю Фасмера в собственно этимологическом плане и к тому же имеет весьма ограниченный словарь (см. I.3).

I.3. Итак, можно констатировать, что РЭС представляет собой собрание доп. к Фасм., перешедшее благодаря их количеству в новое качество. Упомянутый в I.2 изъян может быть в определенной степени оправдан большим объемом предлагаемого труда и, что немаловажно, — временем, которое требуется на его осуществление. Очевидно, что работа с памятниками письменности значительно увеличила бы и то и другое. Кроме того, в настоящее время есть возможность опираться на новые обширные лексикографические своды старо- и древнерусской лексики (см. о них в II.2), которых — как и многих других новейших источников — не было в распоряжении Фасмера.

В отличие от Черн. и ЭСРЯ МГУ, словарь которых включает только лексику современного русского литературного языка⁴, РЭС

⁴ При этом Черн. содержит, по существу, избранные слова (правда, с привлечением довольно значительно диалектного и древнерусского мате-

при отборе лексики продолжает традиции Фасмера. Они несомненно были близки и О. Н. Трубачеву, который описал их в «Послесловии» ко второму изданию «русского Фасмера»: внимание к темным и редким словам; приоритет слов, тесно связанных с традиционными культурой, историей, бытом и контактами русского народа перед поздними заимствованиями и т. п. названиями современных, в том числе профессионально-технических реалий; привлечение «традиционной ономастики». Эти черты фасмеровского словника как безусловно положительные отмечались уже в первых рецензиях на *Vasm.*, см., в частности, *Bezljaj SR 4/1-2, 1951: 509; Unbegaun BSLP 48/2, 1952: 94; Machek Slav. 23/1, 1954: 64; Sławski JP 34/2, 1954: 134.*

Существенным подспорьем при подготовке РЭС является этимологическая картотека, составленная Группой этимологического словаря русского литературного языка, работа над которым велась в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН со второй половины 80-х до начала 90-х гг. XX в., но затем по разным причинам прекратилась. Результаты деятельности Группы, в которой участвовал и автор РЭС, отражены в сборниках ИИРС 1993, НРЭ 1⁵. Первоначальный замысел отбора для РЭС только общерусской лексики (Аникин 2003: 4—5; ср. Варбот Эт. 1994—1996: 193) в процессе подготовки настоящего выпуска отпал сам собой. На отказ от подобного ограничения повлиял отзыв (неопубликованный) на упомянутый сборник НРЭ 1 акад. В. Н. Топорова, рекомендовавшего новому этимологическому словарю как можно более широкий охват русской лексики.

Создаваемые в настоящее время региональные этимологические словари являются ценным подспорьем при работе над РЭС. Из известных автору трудов этого рода следует указать МСФУСЗ и связанные с ним многочисленные разработки екатеринбургских специалистов; публикуемый частями словарь ладого-тихвинских говоров А. С. Герда; складывающиеся в большое этимологическое описание русских говоров Северо-Запада монографии С. А. Мызникова; пуб-

риала), а ЭСРЯ МГУ в большом количестве привлекает поздние заимствования типа интернационализмов (см. П.3), в том числе те, которые вполне можно было бы оставить для словаря иностранных слов. Ср. однако мнение по этому поводу Ю. В. Откупщикова (Отк. 2001а: 364 и др.).

⁵ См. положительную в целом рецензию В. Урбутиса (*Balt. 37/2, 2002: 369—372*). Пожелание рецензента продолжить начатое издание в какой-то мере реализуется в РЭС.

ликуемый по частям словарь русских говоров Алтая Л. И. Шелеповой. К этому ряду примыкают и Ан. 2000; Ан. 2005.

Основной чертой РЭС, как представляется автору, должно стать внимание к диалектной и исторической лексике. Последнее подразумевает устарелую с точки зрения современного русского языка и/или известную только как старо- и древнерусскую. В РЭС включается, в том числе в качестве заглавных слов словарных статей, значительное (насколько это позволяют возможности автора) число диалектных и старо- и древнерусских слов, представляющих тот или иной интерес для этимологии.

Все это само по себе, конечно, не является гарантией последовательного отбора материала и отсутствия пропусков важных слов, но по крайней мере задает выигрышный в научном отношении подход к лексике.

Одним из следствий опоры на фасмеровские принципы отбора лексики стало то, что базовым для РЭС явился не какой-либо словарь современного русского литературного языка (не говоря о диалектной лексике), например, ТСРЯ, но словарь В. И. Даля (Д), что примерно на полтора века «удревняет» исходные позиции этимологии. Справедливо указывалось, что Д — «настолярная книга» русской этимологии, до сих пор являющаяся «самым замечательным собранием русской лексики» — и литературной, и диалектной, и архаической (Варбот РЯНО 2, 2001: 8). В целом, РЭС, как и словарь Фасмера, рассматривает по преимуществу лексику русского языка досоветского времени.

1.4. Автор РЭС безусловно солидаризируется с нижеследующим авторитетным определением целей этимологического исследования: «... определение того, когда, в каком языке, по какой словообразовательной модели, на базе какого языкового материала, в какой форме и с каким значением возникло слово, а также какие исторические изменения его первичной формы и значения обусловили форму и значение, известные исследователю. Реконструкция первичных формы и значения слова — предмет этимологического анализа» (Варбот ЛЭ: 596). Подобные цели стоят и перед РЭС, но, как можно убедиться при знакомстве с предлагаемой книгой, достичь их удастся далеко не всегда.

Разумеется, такое положение обусловлено в первую очередь субъективными причинами (возможностями автора), но есть и объективные. Основная — в не столь высокой, как хотелось бы, степени эти-

мологической изученности словарного состава русского языка, — особенно с учетом новейших успехов описательной лексикографии. В научный оборот введено множество пока еще не рассматривавшихся этимологами русских слов, наряду с которым выявлено множество слов без надежной этимологии, а нередко и вовсе «темных». Разумеется, начиная работу над РЭС, автор не надеялся, что сумеет добиться в отношении этого материала некоего решающего сдвига.

Основная задача РЭС состоит в том, чтобы по возможности отразить достижения последних десятилетий в этимологическом изучении русской лексики, опираясь на ЭССЯ, SP, этимологические словари русского и других славянских языков, — Черн.⁶, ЕСУМ, ЭСБМ, БЕР, ЕРСJ и т. п., и прочую научную литературу. В отношении не рассматривавшейся ранее русской лексики предполагается осуществлять первичную этимологическую обработку (включая констатацию неясности тех или иных слов). Самостоятельный интерес, как представляется, может иметь осуществляемое в статьях РЭС соположение слов, почерпнутых в разных диалектных и исторических словарях и относящихся к хронологически разным пластам русской лексики (XI—XIV, XVI—XVII, XVIII, XIX—XX вв.).

В рамках настоящего «Введения» представляется затруднительным обсуждение существенных для РЭС теоретических и методических представлений современной этимологии, тесно связанных с указанными ее целями. Можно указать, в частности, на «уязвимость корневой этимологии, необходимость реконструкции словообразовательной модели слова, диахронической определенности реконструкций, семантической аргументации», — что стало результатом дискуссий второй половины XX в. по поводу соответствующих этимологических проблем, «неудовлетворенность решением которых не была устранена словарем Фасмера» (формулировки взяты из отзыва Ж. Ж. Варбот на настоящую книгу).

Разумеется, автор РЭС желал бы оптимальной реализации в своем труде названных представлений, в частности, отказа от корневых этимологий и надежной аргументированности этимонов с фонетической, словообразовательной, семантической, лингвогеографической точек зрения. В то же время, ему меньше всего хотелось бы декларировать свою приверженность подобным представлениям, не будучи

⁶ Высоко оценивая Черн., И. Г. Добродомов выдвигал идею доработки этого труда с целью его приведения в соответствие с «современным уровнем нашей науки об истории русского слова», см. ИКАЛО 1995: 240.

уверенным в возможности должным образом осуществить их на практике.

Тем не менее, одну из названных Ж. Ж. Варбот проблем все-таки необходимо затронуть. Речь идет о семантике в связи с известным указанием М. Фасмера по поводу завершения работы над *Vasm.*: «... я уделил бы больше внимания калькам и семантической стороне» (Фасм. 1: 14), — которое несомненно было весьма значимым для О. Н. Трубачева (см. его «Послесловие» в Фасм. 1: 572—573).

I.5. Едва ли стоит думать, что немецкий ученый имел в виду некую полную ревизию применявшегося им (и «современной ему литературой»), по определению О. Н. Трубачева, см. Фасм. 1: 572) сравнения анализируемых русских слов с семантически тождественной или близкой по значению иноязычной (славянской, индоевропейской и проч.) лексикой как обычной исследовательской процедуры. Вполне возможно однако, что Фасмер допускал корректировку указанного приема в сторону большего учета фактора семантической эволюции. Такая корректировка осуществляется в ЭССЯ и в целом ряде работ О. Н. Трубачева (см. об этом Аникин 1988: 6—22). Она выражается прежде всего в систематическом использовании данных типологии семантического развития, в том числе внимании к аккумулирующим такие данные специальным трудам, из которых следует упомянуть прежде всего известный словарь К. Д. Бака. Важную роль при генетическом отождествлении слов, «основанном на значении» (Трубачев ПМСИ 1976: 173—176) играет также тезис о семантической реконструкции как «углубленном понимании значения» (Трубачев СИЯ 1988: 198) и связанные с ним понятия диффузии значений омонимов в контекстах, обнаруживающих их нейтрализацию, наподобие *топить лед, воск* (Трубачев ПМСИ 1976: 168—170), синкретизма значений и экспрессивности.

Гораздо большая, нежели у Фасмера, роль семантической аргументации во многих статьях ЭССЯ (что соответствует «*setymological proclivities*» по формулировке в Malk. 1976: 9)⁷ сочетается с доминированием внутренне-реконструктивного подхода (Хелимский ВЯ 4, 1990: 144), что можно расценить уже не как корректировку, а как весьма радикальную ревизию исследовательских принципов М. Фасмера. В связи с работой над РЭС (и, шире, над

⁷ Ср. исследования Б. Егерса на балтийском (прежде всего латышском) материале, особенно монографию Jēgers KZ 80, 1966.

доп. к Фасм.) следует иметь в виду и эту особенность применявшейся О. Н. Трубачевым методики и то обстоятельство, что полученный с ее помощью огромный корпус ярких результатов обнаруживает определенные издержки.

Систематическое использование применяемой в ЭССЯ семантической реконструкции приводит к тому, что в ряде статей словаря обнаруживается недостаточно мотивированное генетическое отождествление формально сходных, но семантически заметно различающихся слов. «Rozbieżność» значений (зачастую делающая затруднительной реконструкцию праславянской семантики) в ряде статей ЭССЯ — особенно в первых 13 выпусках — становится одной из основных причин их критики со стороны SP, где отклоняются многие десятки реконструированных в ЭССЯ праславянских лексем (особенно в SP 8, *passim*, см. Аникин БСЛИссл 16, 2004: 371—372). За различием значений может скрываться не действие факторов семантической эволюции, а гетерогенность слов, а именно, их заимствованное (субстратное) происхождение или принадлежность к разным этимологическим гнездам исконной лексики. Рассматривая в качестве примера подачу в ЭССЯ русского материала в статье **cholujь*, где отклоняется фасмеровская «концепция нескольких омонимов *холуй* разного происхождения» (ЭССЯ 8: 65), автор РЭС предпочитает как раз принятое в Фасм. выделение гетерогенных омонимов (Аникин 2003: 26—28).

Резюмируя сказанное в отношении к РЭС, следует констатировать, что этот труд стремится сохранить по отношению к Фасм. преемственность не только при отборе лексического материала, но и — с оговорками — в подходе к семантике. Отнюдь не идеализируя в этом отношении (как и других) Фасмера, можно заметить, что его конкретные результаты в ряде случаев представляются более приемлемыми, нежели позднейшие, основанные на оригинальных и смелых семантических и иных решениях. Относясь к последним со всевозможным вниманием, автор РЭС использовал их с оглядкой на «младограмматическую» позицию Фасмера и рациональную в своей консервативности реконструкцию SP, которую можно расценить как усовершенствованный вариант фасмеровской.

Собственный опыт работы над заимствованиями в русском языке и из русского языка (Ан. 2000; Ан. 2003; Ан. 2005), а также результаты исследований заимствованных и субстратных элементов в севернорусской и т. п. лексике (ср. МСФУСЗ и упомянутые в I.3 публикации того же направления) дают автору РЭС основание поддержать кри-

тическое отношение к тому «распространенному направлению этимологического поиска в индоевропеистике (славистике, германистике, балтистике, кельтологии), которое ориентировано на поиск индоевропейских этимонов для максимального числа (в идеале, пожалуй, для всех) слов, представленных в древних и современных языках» (Хелимский РЯНО 2/4, 2002: 84). Недавний пример реализации подхода, ориентированного на безальтернативную по существу идентификацию привлекаемого лексического и топонимического материала как исконно- и праславянского, дает монография Р. М. Козловой (Казл. 2000), о содержании которой можно судить, например, по объяснению этнонима *болгáры* из прасл. **Bьlgar-* < **bьlg-* ‘шкура, кожа’ + суфф. *-arь/-ь* (цит. по рецензии: Шульгач СтОЕ 2003: 161), с соответствующими этноисторическими заключениями. Подобные толкования могут быть отражены в РЭС лишь в негативном ключе. Вместе с тем, они получили чрезвычайно высокую оценку в цитированной рецензии, помещенной в сборнике, где в ряде статей применяется та же методика, что и у Р. М. Козловой. Соглашаясь с тем, что какие-то решения, полученные в рамках этой методики, могут оказаться правильными, ее следует тем не менее признать неперспективной, чреватой ошибками и методически очень уязвимой. Абсолютно неприемлемы исконнославянские этимологии, предложенные А. И. Илиади⁸ для таких сибирских и/или севернорусских диалектизмов, как *важáн*, *вар*, *вáрдина*, *гíрвас*, *кержáк* и др. (СтОЕ 2003: 130—157).

I.6. Здесь целесообразно затронуть также весьма важную для современной русской диалектной лексикографии (как описательной, так и этимологической) проблему точности и аутентичности лексических данных. Следует оговориться, что она актуальна прежде всего не для словарей, содержащих публикацию недавних и проверенных полевых записей, а для трудов сводного/синтетического характера (ср. особенно СРНГ; в ряде случаев и Д), где приходится широко использовать данные, почерпнутые из вторых рук, в том числе старые записи (иногда — плохо читающиеся), что создает условия для проникновения в словарь разного рода погрешностей⁹. Их выяв-

⁸ В рецензии (положительной, что совершенно нелогично с учетом применяемого в рецензии подхода) на Ан. 2000.

⁹ Сказанное ни в коей мере нельзя понимать как попытку подвергнуть сомнению важность и ценность такого фундаментального труда как СРНГ.

ление становится одной из задач этимологии и диалектологии. Это важно уже потому, что любое из не распознанных искажений слов в принципе может привести к появлению опирающегося на «фантомный» факт и тем самым заранее обреченного на неудачу истолкования (такие случаи имеются): по выражению В. И. Даля, опечатки и неточности могут «всякого ввести впросак» (Д 3: 546).

В «Послесловии» ко второму изданию Фасм. О. Н. Трубачев поддержал прочтение др.-рус. *вермие* (*дубное*) ‘саранча, черви’ как *вершиие* ‘побеги (дуба)’ (Фасм. 1: 569). Оно оказалось спорным (*вермие* выглядит реальным и выводимо из прасл. **vyrt-*, см. Непок. 1976: 21—22), но в данном случае существенно само обращение О. Н. Трубачева к очень редкому в Фасм. способу объяснения слов с помощью конъектур, т. е. предположений о наличии в графическом облике слов неточностей и вытекающих отсюда исправлений. Сложности, обусловленные разными прочтениями слов, не редкость при анализе древнерусского материала, но здесь приходится ограничиться темой диалектных записей XIX—XX вв.

Выявление слов, подлежащих исправлениям, было одной из задач сибирского диалектного словаря (Ан. 2000), где конъектуры представлены в довольно большом количестве. Некоторые из них непосредственно касаются Фасм., например, камч. (Д) *кагóra* ‘тягловое животное’ — в действительности *каюра* (Ан. 2000: 231)¹⁰, что констатируется вслед за Д. К. Зелениным, чье мнение упомянуто Фасмером (Фасм. 2: 155). Ирк. (Д) *отсúмивать* ‘отвращать любовь’ сравнивалось с тюрк. *süm* ‘любовь’ (Фасм. 3: 173), но нет никаких сомнений, что речь идет об *отсúшивать*, антониме к *присúшивать* ‘привораживать’ (Ан. 2000: 432).

Анализ лексики с помощью конъектур в русской этимологии не играет такой большой роли, как в (древне)прусской. Тем не менее он не должен сбрасываться со счета и при выяснении происхождения русских диалектных слов. В наиболее последовательной форме он осуществляется А. Ф. Журавлевым. В серии статей, посвященной «фантомной» лексике СРНГ, им были указаны десятки имеющихся в этом издании искаженных или сомнительных слов (см. Журавлев

¹⁰ При ссылке на словари и т. п. публикации, охватывающие (суммирующие) другие словари или иные источники, последние в РЭС как правило не указываются. Если необходимость в таком указании возникает, оно может, как в данном случае, приводиться в скобках перед цитируемым языковым фактом. Здесь (Д) означает подобную «непрямую» ссылку на словарь Даля (без указания тома и страницы) через Ан. 2000.

Изв. УрГУ 4, 2001, с дальнейшей литературой). Хотя отдельные конъектуры небесспорны и даже могут опровергаться, подавляющее большинство исправлений А. Ф. Журавлева вполне убедительно. Стоит заметить, что известные автору этих строк примеры возможных конъектур в публикациях современных полевых записей единичны¹¹, ср. из них новг. *зувáл* ‘мешок’ (НОС 2: 66) = ? *чувáл* (Фасм. 4: 376), новг. *зéчка* ‘игрушка’ (НОС 2: 11) = ? *чéчка*, ср. *чéча* (Д 4: 602; Ан. 2000: 659).

Многочисленные неточности или вызывающие сомнения слова (вроде *корóна* ‘царство’ = ? *корóна*, ср. Д 2: 168) обнаруживаются при ознакомлении со «Словарем русских говоров Забайкалья» Л. Е. Элиасова (М., 1980; далее Элиасов), что очень странно для словаря, который анонсируется в «Предисловии» ответственного редактора (Ф. П. Филин) как содержащий собственноручные полевые записи составителя, сделанные им «добросовестно и со знанием дела». Такую ситуацию можно было бы попытаться объяснить безвременной кончиной Л. Е. Элиасова, не успевшего завершить свой труд. Беда в том, что в нем повторяются погрешности, встречающиеся в других словарях, прежде всего у Даля. Например, забайк. *сон* ‘мясо со сладковатым привкусом’ (Элиасов: 358) повторяет ошибочное сиб. *сон* ‘сладкое или почечное мясо’ (Д 4: 270) — в действительности *сок* ‘сладкое (= ‘лакомое, вкусное’) мясо’, ‘свежая сосновая заболонь, поедаемая как лакомство’ (Д 4: 263; Ан. 2000: 503), ср. *сóчное мясо*. Понятная в случае с Далем, который явно взял слово *сон* из вторых рук, данная неточность удивительна в случае с Элиасовым. Забайк. *кычím* ‘черпак с длинной ручкой для зачерпывания воды в проруби’ (Элиасов: 279) как бы развивает ошибку, вкрадшуюся в толкование сиб. *кычím* ‘черпак’ (Д 2: 230), неверно расцененного В. И. Далем как особое слово. Речь идет, вне всяких сомнений, о хорошо известном тюркизме *кычím* ‘чепрак (подстилка под седло)’, который также представлен и у Даля и у Элиасова. Примеры этого рода связаны однако не только с Д.

Забайк. *мунтук* ‘порыв ветра, вихрь’ (Элиасов: 214) невозможно отделить от якут. *мунтук* ‘вихорь’ в «Словаре якутского языка» Э. К. Пекарского (Пек.: 1625), где используется дореволюционная орфография. Якутское слово обозначает не вихрь, а вихор (в волосах), и всерьез думать о заимствовании (из якутского в русский или

¹¹ Не касаясь тех случаев, когда среди полевых записей помещаются цитаты из старых, не поддающихся проверке источников.

наоборот) нельзя, как и в случае с забайк. *ачин* ‘плечо’ (Элиасов: 96) и тюрк. *ägün* ‘то же’ (Пек.: 895).

Не повторяя здесь всех подобных примеров (счет идет по меньшей мере на десятки), которые уже приводились ранее (Ан. 2000: 17—26; Аникин ЛАРНГ 2003: 31—46¹²; Аникин 2003: 16—23), уместно изложить лишь вывод. В «Словаре русских говоров Забайкалья» Л. Е. Элиасова есть факты, представляющие собой что угодно, но не полевые записи.

Можно полагать, что дело обстоит следующим образом. Взятые у Даля или из других словарей (см., частности, ценный лексикон в приложении к книге Н. Ф. Кривошапкина «Енисейский округ и его жизнь» — СПб., 1865) те или иные камчатские, енисейские, обдорские, архангельские и прочие русские слова, иногда в несколько измененном виде (намеренное изменение не всегда отличимо от невольной ошибки), снабжаются в словаре Л. Е. Элиасова несуществующей забайкальской привязкой (с указанием населенных пунктов, а зачастую и конкретных информантов) и иллюстрациями наподобие следующей: *мясо сладкое, соном оно прозвано, ну до того сладкое, что противно его есть* (Элиасов: 358). Никак не верится в подлинность текстов, иллюстрирующих забайк. *глеф* и *глефь* ‘слизь на свежей рыбе’ (Элиасов: 90; ср. енис. *глефь* ‘слизь на свежей рыбе’ в Кривошапкин 1865): *рыбу с глефом; на налиме глефи больше всего* (Элиасов: 90). Словоформы *глефом*, *глефи* противоречат русской фонетике — должно быть не *ф*, а *в*, ср. s.v. *глевь* у Даля: *на красной рыбе зимою глеву больше* (Д 1: 355).

Таким же процедурам подвергаются избранные якутские и иные тюркские, эвенкийские и бурятские слова из соответствующих словарей (Пек. и др.), выдаваемые за русские (и подчас просто исковерканные): *на твоих ачинах, товарищи рабочие, капиталисты прокачтятся в ад* (Элиасов: 57).

Наличие фактов рассматриваемого толка делает труд Элиасова уникальным в русской диалектной лексикографии.

Его своеобразие заключается также в том, что по названию он является одним из многих региональных сибирских словарей, но по существу претендует на особый статус, — как представляется, статус некоего подобия словаря Даля («забайкальского Даля»), что обеспечивается большим объемом лексики и длительностью работы

¹² В том же сборнике ЛАРНГ 2003 см. статью А. А. Буркина, выступающего в защиту словаря Элиасова.

над ней (около 10000 слов, собранных за 40 лет — по существу, за целую жизнь), наличием множества своеобразно-экзотических фактов, отсутствующих в других словарях русских говоров циркумбайкальского региона, а также очень многочисленными совпадениями с Д. При этом большинство содержащихся у Элиасова слов явных признаков артефакта не имеет (хотя сотни слов вызывают те или иные сомнения). Вероятно, среди них есть много подлинных фактов, которые с разных точек зрения важны для диалектной лексикологии. Однако гарантии подлинности и признаки, позволяющие отделить такие факты, отсутствуют.

Резкость характеристики обсуждаемого словаря как бездарной подделки (Журавлев АвСб 2003: 384) обусловлена, увы, лишь тем, что вещи названы в ней своими именами. К сожалению, данные лексикона Элиасова широко воспроизводятся в СРНГ¹³, сводном «Словаре русских говоров Сибири» под ред. А. И. Федорова (Т. 1—5, Новосибирск, 2000—2006) и наряду с другими источниками используются в различных исследованиях (в том числе в фундаментальных ЭССЯ, SP) для этимологических и иных научных целей¹⁴. Публикация словаря Элиасова, тем более в Москве и в издательстве «Наука», — непоправимая ошибка¹⁵.

¹³ «Составителям СРНГ, когда они черпают лексический материал из словаря Элиасова, нужно рекомендовать удерживаться от цитирования... кабинетной выделки иллюстраций. Но с чрезвычайной осторожностью нужно подходить и к самой трактуемой лексике...» (Журавлев АвСб 2003: 385). Следует обратить внимание на то, что, по сообщению Ф. П. Филина, словник словаря Л. Е. Элиасова после его кончины дополнен за счет слов «не учтенных автором», «но встретившихся в иллюстративном материале» (Элиасов: 3—4).

¹⁴ В «популяризации» словаря Элиасова невольно принял активное участие и автор РЭС, см. в особенности Ан. 1997. На данных Элиасова основаны лингвогеографические выводы, касающиеся диффузии русской диалектной лексики в Сибири (Аникин Эт. 1985: 71—75). Их следует расценить как невероятные. Осознание сути «забайкальского лексикона» пришло к автору этих строк лишь после долгой работы с ним.

¹⁵ На фоне полного доверия к Элиасову обращает на себя внимание скептицизм в отношении «ягвяжского» словарика, обнаруженного белорусским коллекционером В. Зиновым, впоследствии утерянного и известного лишь по рукописной копии, снятой Зиновым. Хотя утрата подлинника сильно обесценила этот памятник (см. об этом, например, Popowska-Taborska BSZJ 1990: 299—307), нет оснований утверждать, что речь идет о подделке. Напротив, опыты анализа этого словарика

Сказанное объясняет, почему в статьях РЭС данные этого словаря не привлекаются, а лексика русских забайкальских говоров берется из СГСЗ¹⁶ и других источников. Пользоваться не вызывающими доверия фактами при наличии предоставляемого русской диалектной лексикографией труднообозримого количества надежных и во многом еще не введенных в научный оборот представляется неоправданным.

II. Содержание словарных статей РЭС

II.1. Статьи «Словаря» располагаются в алфавитном порядке, буква *ѣ* приравнивается к *е*.

Строятся они в общем так же, как в предшествующих лексикографических работах автора (см. особенно Ан. 2000), которые, в свою очередь, ориентированы на Фасм. и доп. к нему О. Н. Трубачева.

Все статьи разделяются знаком // на две зоны — лексическую и этимологическую. В первой из них (до знака //) дается материал, подлежащий объяснению, во второй (после указанного знака) — сведения о происхождении слова или слов. Это распределение последовательно осуществляется однако лишь в отношении русского материала (хотя и здесь возможны отступления), в то время как иноязычные сравнительные данные, в том числе восточнославянские, для удобства изложения могут подаваться не только в лексической, но и в этимологической зонах.

При подаче в лексической зоне иноязычный материал отграничивается знаком ||.

Первое из приводимых в статье русских слов служит ее заголовком, который выделяется жирным шрифтом. За ним — через запятую — следуют графические, фонетические и иные варианты.

Омонимы обозначаются римскими цифрами. Если заглавные слова двух смежных статей различаются ударением, они омонимами не считаются.

Заголовок, а с ним и весь подлежащий объяснению русский лексический материал может при необходимости получать в этимологи-

указывают скорее на его подлинность (ср. Орел, Хелимский БслИссл 1985: 131).

¹⁶ По сообщению А. П. Майорова, при подготовке СГСЗ велась выборочная проверка слов из словаря Элиасова, давшая отрицательные результаты (называвшиеся слова информантам-старообрядцам не известны).

ческой зоне сокращенное обозначение с помощью знака °, проставляемого над первой буквой заглавного слова, — например, **анчут** = **а**°. Тот же знак, проставляемый справа от слова, означает его наличие в словнике РЭС и наряду с сокращением «см.» служит для отсылок от одной статьи к другой¹⁷: *антихрист*° значит то же, что «см.〈отри〉» *антихрист* (внутри словарной статьи заголовки других статей жирным шрифтом не выделяются).

При подаче современных русских слов, отраженных в Д, их семантика дается с опорой на его толкование (т. е., по существу, в несколько «архаизированном» виде), а свойственное современному литературному узусу — лишь по необходимости, что соответствует установке РЭС на изучение старой в широком смысле лексики.

К минимуму (но не в ущерб этимологии) сводятся — как и в Фасм. — сведения грамматического характера (указание грамматического рода, форм косвенных падежей и т. п.), которые можно найти в источнике, откуда взят материал.

Учитывая широкое географическое распространение многих привлекаемых русских лексем и наличие у них значительного количества фонетических, семантических и словообразовательных вариантов, сведения об этих лексемах в РЭС приходится ограничивать. Лишь изредка даются производные. В остальном же русский материал приводится по возможности полно — в отличие от иноязычного, который привлекается в той мере, в какой это необходимо для понимания русских слов. Значения иноязычных (в особенности славянских) слов, сравниваемых с русскими, могут опускаться в тех случаях, когда они совпадают со значениями последних.

Факты русского языка в некоторых случаях снабжаются контекстами. Текстуальные цитаты в принципе желательны для каждого слова, но постоянное цитирование намного увеличило бы объем РЭС.

II.2. Как уже сказано в I.2, РЭС не претендует на последовательное изложение истории русских слов, заменяя ее данными из словарей и прочей литературы.

Из имеющегося огромного материала по русской диалектной лексике более или менее полно привлекаются лишь данные Д и СРНГ. Другие источники (АОС, НОС, ПОС, СВГ, СГСЗ, СГРС, СлРДГ, СРГК и др.), каждый из которых дает достаточное количество фак-

¹⁷ Такие отсылки предполагается делать только на статьи РЭС, находящиеся в данном выпуске, а в дальнейшем также — на уже опубликованные выпуски.

тов для регионального этимологического словаря (см. I.3), привлекаются как дополнительные. Охватить исчерпывающим образом все эти источники в РЭС было бы для автора невозможно физически (см. по этому поводу *Bodnarczuk WsłJb* 2, 1952: 196 — в отклике на первые выпуски *Vasm.*).

При цитировании Срз., СДРЯ XI—XIV, СлРЯ XI—XVII, СОРЯМР XVI—XVII, СлРЯ XVIII и т. п. трудов, содержащих данные по старо- и древнерусской лексике в РЭС, приводятся указанные в них сведения о хронологии письменных фиксаций (фиксации) слова — год или век¹⁸. Сокращение «г.» по возможности опускается¹⁹.

Лексические данные располагаются как правило ретроспективно: от более поздних (чаще всего в Д и СРНГ) к более ранним вплоть до старшей из известных автору фиксаций — насколько такой порядок достижим при цитировании разных источников.

Привлекаемые данные (не только русские) цитируются как правило в том виде и порядке, в каком они даются в соответствующем источнике. Часть диалектных слов в источниках не снабжена сведениями об их ударении и географии, что отразилось и на их подаче в РЭС.

Лексика из Д и других источников по русской лексике XIX и начала XX в. дается как правило без ятей и еров.

Тюркские факты, почерпнутые из тюрско-русских словарей на кириллической основе переводятся на латиницу, но в ряде случаев (по техническим причинам) сохраняются в кириллической записи.

II.3. Заимствование того или иного слова в русский язык по мере возможности рассматривается в РЭС на фоне сведений о заимствовании того же слова в смежные языки, в том числе и из русского, на что в ряде случаев обращается внимание и в Фасм. (см. Фасм. 1: 4). Это позволяет увидеть русскую лексику в более широком лингвокультурном аспекте, — например, в связи с разделением христианского мира на православный и католический.

Для некоторых слов из числа упомянутых в I.3 поздних заимствований, а именно, так называемых интернационализмов, сравнительный лексический материал по славянским языкам выглядит тавтологичным, и в ряде случаев заменяется простым указанием на межъ-

¹⁸ Нередко используемый в подобных случаях предлог «с», указывающий на то, что слово известно с такого-то времени, в РЭС как правило не используется.

¹⁹ Поскольку века, как и омонимы, обозначаются в РЭС римскими цифрами, сокращение «в.» во избежание недоразумений сохраняется.

языковой характер слова, для чего используется сокращение «интернац.» (ср. практику MNYTESz), проставляемое в конце лексической зоны. Поскольку последовательности в использовании этого сокращения добиться не удалось, вместо названного сокращения даются также отсылки к ЭСРЯ МГУ (отчасти также к Черн.; ЕСУМ, ЭСБМ), где интернационализмы рассматриваются регулярно и с цитированием соответствующего лексического материала.

* * *

Настоящий выпуск РЭС подготовлен в Институте филологии СО РАН (Новосибирск) и Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва) при финансовой поддержке, оказываемой в рамках программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Русская культура в мировой истории» (руководитель — чл.-корр. РАН А. М. Молдован).

Основная часть текста данного выпуска МЭС была набрана автором на компьютере в программе Chi-Writer и затем конвертирована в Word/PDF М. Н. Толстой.

Значительную помощь при подготовке книги — как содержательную, так и техническую — оказала Е. И. Якушкина.

С первоначальным вариантом книги ознакомились Ж. Ж. Варбот, С. А. Мызников и Е. А. Хелимский, сделавшие ряд ценных критических замечаний и рекомендаций, по возможности учтенных в тексте.

Автор выражает названным и всем другим лицам, оказавшим ему содействие в работе, глубокую признательность.

СЛОВАРЬ

а I 'но, и' (союз противит., также соединит.), 'а, же' (усилит. част.), др.-рус. *а* 'и, а, же' || укр. *а* 'а, же, но, напротив', блр. *а* 'а, но', ст.-слав. **а** 'а, и, же', болг. *а* 'а, но', чеш. *а* 'и, а, но', польск. *а* 'а, и' и др. (о.-слав., см. ЭССЯ 1: 32; SP 1: 145) // Из прасл. **а* 'а, же' (усилит. част.), 'но, а, напротив' (союз). Отсутствие йотации объясняют фразовой фонетикой: нередким положением **а* в начале предложения. Несомненна связь **а* с лит. *ō* (усилит. част., союз) 'так, как раз', 'так вот; вот', 'же', 'но', 'и', 'потому что' (LKŽ 8: 984; Ан. 1998: 13), *ōgi, ógi* (< *ō* + част. *gi*, см. *аж*) 'ведь, а вот, так вот'. Возможно, эксклюзивная литовско-славянская изоглосса. Не исключена связь с хет. *а*- 'но' (Пухвель, см. Иванов Эт. 1985: 173 — с указанием, что первичность противит. знач. не бесспорна). Однако лит. *ō* на балт. почве изолировано. Генетическая связь с синонимичным лит. вост. *ẽ*, а также *ẽgi* 'ну, вот, ведь' (Fraenk.: 117, 514) сомнительна, т. к. *ō* из и.-е. **ā*, исходное **ō* невозможно. Лит. (< ? слав.) слово нельзя поэтому включать в принимаемый большинством этимологов иной вариант и.-е. сравнений для прасл. **а*: др.-инд. *āt* 'затем, потом, также, и', авест. *āat* 'затем, потом, и, но' resp. и.-е. **ōd/*ēd* абл. ед. местоименной основы **e/o-* (SP 1: 145; ЭССЯ 1: 33—34; VWSS 1: 1; ESJSS 1: 45; Ог.: 85; Фасм. 1: 55; Черн. 1: 21; Вор.: 17).

Заслуживает внимания сравнение **а^o** и диал. *о* в функции сопост. союза < прасл. **о* (**о* II в отличие от межд. **о* I, см. ЭССЯ 26: 70). Прасл. **а* в качестве союза близко к межд. (см. *а* III), что осторожнее считать следствием контаминации, а не отмеждоментного происхождения **а*, несмотря на подробную аргументацию Копечного (Эт. 1967: 22—23, 26; ESSJ 2: 25—30; см. также Zub. 1954: 100; ESJSS 1: 45). Част. *а* в вопр. предложениях (= рус. *а* II: *а?*; *пойдем, а? а знаешь?*; аналогично словен. *а veš?* с.-хорв. *а gdje si bio?* чеш. *а со to je?*) не обязательно считать вариантом межд. (ESSJ 2: 25), целесообразнее отождествление с союзом *а*, этимологически отличаемым от межд. (Sn.: 1).

Неясно, имеет ли генетическую природу параллелизм рус. *a* — *u* — *da*: лит. *aĩ* 'ли, или' — *iĩ* 'и' — *daĩ* 'еще' (Степанов Balt. 6/2, 1970: 194; см. также Būga RR 3: 283), см. еще *ábo*.

Прасл. **a* входит в состав энклитических конструкций **a bo*, **a by*, **a će*, **a le*, **a li*, **a ono*, **a ti*, **a to*, **a že*, об отражении которых в рус. см. *ábo* I, *áby* I, *аж*, *алé* I, II, *áli*, *аль* II, *ан*, *áти* I, *áто* II, *аче* (ср. Срз. 1: 3 — «*a*: соединяется с другими словами: см. *абы...* и пр.»). См. также *авжó*, *авóсь*, *ако*, *áсе*, *ат* I, *атче*, *áще*.

а П вопр. част., см. *a* I.

а III (*aa*, *a-a*) межд., выражающее догадку, восторг, удивление, укор, угрозу, страх, боль, насмешку и т. п. (например, у Гоголя: *A! заплатанной, заплатанной!*; *A! была не была, не с чего, так с бубен*; *A! так ты не можешь, подлец?* и под., см. Герм. 1966: 19) — аналогичные межд. известны во всех слав. языках (SP 1: 145—146) // Возможны контаминации с *a°* I. Предполагается прасл. **a* 'ах! ох! эх! о! и др.' (Там же), бытовавшее, вероятно, и в дославянскую эпоху. Целесообразно при этом думать не о его рефлексах в слав. яз., а о его регенерации. Ср. подобные образования в лит. *à*, *ã*, *õ* межд. в сходных функциях, *aĩ*, *oà* межд. удивления, лтш. *a* межд. радости, досады, *ã*, *à* межд. удивления, страха и др., прус. *o* межд. 'о!', гот. *õ* межд. удивления, досады, лат. *ā*, *āh* межд. боли, гнева, отвращения, греч. *ǎ* межд. боли, удивления, досады, др.-инд. *ā* межд. неожиданного припоминания (Būga RR 3: 283; SP 1: 145—146; Ан. 1998: 13; Вор.: 17). Ср. также рус. *ай°* II, *о* межд. (Фасм. 3: 95; ЭССЯ 26: 70).

а́нгич, *áнгич* 'утка-морянка' ирк., камч. (СРНГ 1: 187), *ангич* 'то же' (Д 1: 16) // Из ительм. *а'ңичх* 'то же' (Ан. ОЛА 1984: 280—282; Ан. Эт. 1985: 72), ср. у Крашенинникова «камчадалские» (ительм.) формы *аангичь*, *аанычь*, *аангычь* с пояснением: «Камчадалы называют сих уток по крику их, тем же именем зовут они и дьячков, для того что они как утки поют разными голосами...» 1755 (Краш. 1949: 320, 330, 337, 359, 431, 532). Ударение *a°* обусловлено наличием в ительм. слове гортанного смычного *-ʔ* (Волод. 1976: 37, 73), *ангич* у Д. непонятно. Ирк. ареал *a°* скорее всего вторичен (и сомнителен), — речь, несомненно, идет о камч. слове. Ономат. основа *а'ңи-* сопоставима с рядом аналогичных основ в др. яз.: саам. и сев.-самод. факты типа нен. *ңа''ңо* 'утка-нырок, утка-морянка' (Хелимский Эт. 1986—1987: 243), якут. диал. *āңҕа*, *аңā*, *аңҕа*, орооч. *ауңа*, уд. *ауңа*, айн. *аанга* 'утка-морянка'

ка', нивх. *ауңк* 'разновидность утки (морянка?)' (Ан. 2000: 71; спорная этимол. т.-маньчж. слов дается в СИГТЯ: 172 и EDAL: 278). Тюрк. этимол. **а°** (Фасм. 1: 55; ср. Doerf. 2: 130) неприемлема. Ср. *аулык°*.

аат см. *агáт*.

абá 'старшая сестра, тетка по отцу' приирт. (СРНГ 1: 187) // Из тюрк. источника типа тоб. *aba* 'тетка, старшая сестра' (Кононов Изв. ОЛЯ 25/3, 1966: 227; Doerf. 4: 402), бар. *aba* 'старшая сестра, сестра моего отца' (Дмитр. 1981: 123) ~ др.-тюрк. *aba* 'отец, медведь' (ДТС: 1), п.-монг. *aba*, монг. *ав* 'отец, папа, батюшка' (ЭС-ТЯ 1: 54—58, 158—159; Räs.: 1; Doerf. 2: 3—4; EDAL: 310, 513; Ан. 2000: 71). Ср. серб. диал. *ába* 'мамуся (обращение к матери или свекрови)' < тур. диал. *aba* 'мать, старшая сестра и др.' (ЕРСJ 1: 35). См. также *áва, aná I*.

абá I 'толстое белое и редкое сукно; род одежды из этого сукна' кавк., сиб. (Д 1: 1; СРНГ 1: 188), *аба, абба, габá* 'грубое сукно' (СлРЯ XVIII в. 1: 7), *аба (оба)* 1641—1642 (ДопСлРЯ XI—XVII 1: 8) *абинной* 'из грубого сукна' 1630 (СлРЯ XI—XVII 1: 18) // Из ст.-тур. *aba* 'грубая шерстяная материя; плащ из такой материи' < перс. *abā* < араб. 'abā' 'то же' (Стаховский Эт. 1965: 198; Добродомов СТ 6, 1976: 26; Фасм. 1: 55; Räs.: 1; Ан. 2000: 72). Бродяч. слово, обозначающее реалию, кот. в свое время была предметом торговли по всему югу Европы и в Азии. В рус. прямо из тур. (и/или через кр.-тат.). Ст.-рус. *габá*, как и ю.-рус. *габá* 'грубая шерстяная ткань' (СРНГ 6: 52 — со ссылкой на Фасмера, см. Фасм. 1: 378), встречающееся у Гоголя (Рогожников ВЯ 1, 1982: 82), предполагают польск. и/или укр. посредство.

Ср. происходящие из турецкого укр. *габá*, польск. *haba*, болг. (х)*абá*, с.-хорв. *àba*, рум. (h)*абá*, венг. *aba* и др. назв. сукна и/или одежды из него (БЕР 1: 1; ЕСУМ 1: 444; ЕРСJ 1: 34; Kiss StSIASH 10/3-4, 1964: 441; StachowskiS LWGT 1995: 164), сюда же курд. *ábā* 'род мужской верхней одежды, плащ, накидка' (Цабол. 1: 41—42). Польск. *haba*, вероятно, из укр., через укр. (и польск.?) посредство прошли также чеш. *háb*, чаще *hábu* мн. '(старая) одежда', словц. *hába, hábu* мн. 'то же' (VWSS 1: 6; ср. Mach.: 153).

абá II 'глиняная конусообразная постройка над мусульманской могилой почитаемого казаха; казахское кладбище' Уральск. (СРНГ 1: 187) // Вероятно, из казах. *obā* 'курган, насыпь, куча камней с воткнутыми ветвями (на месте погребения предков)', кирг. *obō* 'холм из камней' (Кононов Изв. ОЛЯ 25/3, 1966: 227; СИГТЯ

2006: 607) < монг., ср. п.-монг. *obuγan* ‘куча камней, насыпь (в честь духов)’ (ЭСТЯ 1: 398; Räs. 356; Doerf. 1: 153—155; EDAL: 1059). Из родственного монг. слову бур. *обоо(н)* происходит рус. сиб. *обóн* в сходном знач. (Ан. 2000: 415—416). Неясно, связан ли с последним арготизм *Обóн* ‘Сибирь’ (Даль, см. Бонд. 2004: 295).

абá III ‘неужели’ симб., куйб., *аббá* межд. ‘восклицание для выражения удивления’ казан. (СРНГ 1: 187, 189) // Ограниченный ареал противоречит слав. этимол. Скорее всего, из башк. *aba* межд. ‘ну и ну! надо же! (выражение удивления)’, ‘ой, тоже мне (выражение возмущения, обиды)’, чув. *ара* межд. удивления (Ашм. 1: 272), ср. башк. *abau* межд. ‘выражение боли, испуга, страха’, тат. *abau* межд. ‘выражение испуга, удивления, отвращения’ (Буд. 1: 2; ТатРС: 17), уйг. *aba* ‘восклицание отвращения, негодования’ (Рагл. 1: 620), мар. (< тат.) *абáу* и др. ‘ой! (выражения испуга, удивления и др.)’ (Горд. 1: 31). Ср. *aná*° II.

абáбка ж. ‘гриб-березовик’ сиб. (Цом. Ист. хр. 2/1: 47), *абáбок* м. ‘вид гриба, черный гриб, подберезовик’ ряз., смол. (Фасм. 1: 55) // По-видимому, неполно засвидетельствованный в лексикографии вариант назв. гриба с начальным *a-*. Шире известна форма с *o-*: *обáбка* ж. ‘гриб подберезовик’ сиб., (Д) *обáбок* м. ‘общее название грибов; подберезовик, подосиновик, масленок’, *обабокъ* ‘гриб подберезовик, крупный съедобный гриб вообще’ 1675 (СлРЯ XI—XVII 12: 8) и др. — из прасл. **obbabъka* ж., **obbabъkъ* м., состоящего из преф. **ob-*, рус. *об-* и **baba*, рус. *бáба* (ЭССЯ 26: 93). Ср. *бáбка* ‘белый гриб’ смол. (СРНГ 2: 21), блр. *бáбка* ‘подберезовик’, чеш. *babka* ‘вид гриба (с потрескавшейся кожицей на шляпке)’ и др. (Герд ИРЯСРГ 1994: 74—75; VWSS 2: 64; Müller ZfSl 15/1, 1970: 121; Mach.: 40). Фасмер со ссылкой Кипарского и Якобсона указывает на деривацию от *баба* ‘пень’ (Фасм. 3: 97), но более вероятно, что корень *bab-/bab-* в данном случае обозначает быструю утрату подберезовиком твердости (‘нетвердый, быстро раскисающий гриб’). Правдоподобна деривация — *обáбок* от *обáбится* ‘дрябнуть, морщиться’ (Мерк. 1967: 176—177; Urbutis Balt. 15/2, 1979: 156; см. также ЭСБМ 1: 253—254, s.v. *бáбка* 4).

абабъ ‘одежда из грубого сукна’ 1610, *оабáбъ* ‘грубое сукно (= *абá*° I), штука этого сукна’ 1614 (СлРЯ XI—XVII 1: 18) // Видимо, то же слово, что *абá*° II, но детали неясны. Демьянов говорит об «удвоении *б*» (Дем. 2001: 320).

абажур ‘колпак для лампы, светильника’ 1859, ‘косое окошко, сообщающее свет сверху’ 1803 (Черн. 1: 21), ‘колпак, надеваемый

на лампу', 'жестяной щиток над дымовой трубой' пск. (ПОС 1: 45), 'кожух печи' ср.-урал. (Волотковская ОиДЛ 4, 2003: 97) // Из франц. *abat-jour* 'абажур' 1829, 'косое окошко (например, тюремное)' 1670 от *abattre* в знач. 'отражать, ослаблять' + *jour* 'день, дневной свет' (Фасм. 1: 55; GrRob 1: 12).

Из франц. также болг. *абажур*, чеш. *abažúr*, польск. *abażur* и др. Укр., блр. *абажур* < рус. (Черн. 1: 21; ЭСРЯ МГУ 1/1: 12—13; ЭСБМ 1: 40; ЕСУМ 1: 37; SESJС: 67; Ва́нк. 1: 2).

абáз 'старая персидская и грузинская монета, около 20 коп.' кавк. (Д 1: 1): ...*потребовал ... с меня абаз* (Пушкин, «Путешествие в Арзрум»), *ни абаз* 'ни копейки' (Островский, см. ЯСМ: 20) // Из ингуш. *æpæz*, чечен. *эптаз* 'монета в 20 копеек, двугривенный' (Дыбо НРЭ 1: 32) < груз. *abazi* < перс. 'Abbāsī' 'старая персидская серебряная монета в 20 динаров', по имени шаха Аббаса I (1587—1629; ИС 'Abbās — араб.) и династии аббасидских халифов (Фасм. 1: 55; Кононов Изв. ОЛЯ 25/3, 1966: 227), см. еще *абаса*.

Из перс. усвоены также осет. *abazi*, арм. *abasi* и др. (Аб. 1: 24), курд. *ābāsī* (Цабол. 1: 63), англ. *abas* 'мера веса для жемчуга' 1684 (PersLES 1991: 211).

абазá I м., ж. 'бестолковый басурманин' крым. (?) (Д 1: 1; СРНГ 1: 188) // Из тур. *abaza* 'глупый', кр.-тат. 'человек, говорящий невнятно' (Фасм. 1: 56; Радл. 1: 625). Едва ли в тюрк. из этнонима *абхаз* (Räs.: 2; см. *абхáz*), — скорее, к тур. этнониму *abaza* (см. *абазіны*). С **а**^о может быть связана рус. фамилия *Абáзов* (Никонов Эт. 1970: 123).

Ср. (?) серб. *ábāz* 'ничтожный, недостойный человек' и др., *áбезина* 'неразумное существо, дурак', кот. признаются в ЕРСJ 1: 35, 38 неясными.

абазá II ж. 'жестокий восточный ветер от кавказского берега, опасный для дунайских моряков' черномор. (Д 1: 1; СРНГ 1: 188) // Быть может, к *абаз(а)*, см. *абазіны*.

абазá III ж. 'конское тавро, известное на Кавказе' (Д 1: 1), *абасá* 'то же' кавк. (СРНГ 1: 188 — со ссылкой на Д) // Согласно Далю (Д 1: 1) — «вероятно, по названию горского племени», ср. (?) *абазіны*^о.

абазіны мн. — назв. народа на Северном Кавказе, *абазы*, *абазинцы* мн. 'кавказская народность, абазины' кон. XVIII в. (СлРЯ XVIII 1: 9), *абазы* мн., *абаз* ед.: *Иверский Александр царь з братьею, з грузинскими цари... Абазы, Эртили* ок. 1600 (Ковал. 2003: 139) // Фор-